

Последнее слово Алексея Полиховича

— «Политическая речь и письмо в большой своей части — оправдание того, чему нет оправдания... Поэтому политический язык должен состоять по большей части из эвфемизмов, тавтологий и всяческих расплывчатостей и туманностей», — Джордж Оруэлл, эссе «Политика и английский язык», 1946 год.

Сегодня я постараюсь быть особенно лаконичным. Я не стану нагружать и тем более расщеплять ваше сознание так, как некоторые умышленно нагружают уголовное дело и расщепляют состав преступления в угоду политическому заказу. Я постараюсь быть кратким и четким, и противопоставлю краткость и четкость многословности и бессмысленности обвинительной машины.

Кредо англоязычных политиков, выведенного Оруэллом, сегодня в России является девизом Следственного комитета. Только у следователя не политический язык, а доказательства по нашему делу. Работники СК оказались мастерами по сокрытию правды в ловком жонглировании цитатами из УПК, клише из УК и реальными событиями, к нам никакого отношения не имеющими. Обилие носителей информации, видеоматериалов, обилие мусора со дна обводного канала, создает обманчивое впечатление объективности и полноты. Фактически это попытка перевести количество (60 томов уголовного дела) в качество (массовые беспорядки 6 мая на Болотной площади). Многое остается не разъясненным, упущенным из поля зрения, как раз полноты картины событий и нет. Есть желание видеть только то, что удобно видеть.

Именно по этой причине СК и прокуратура дружно не замечают один характерный момент, который мы все прекрасно видели. О нем говорил Дмитрий Борко (общественный защитник Александры Наумовой). Фаер прилетает от митингующих в сторону полиции, падает вблизи, его хватает омоновец и закидывает обратно в толпу. Это ярчайший образ и демонстрация поведения правоохранителей 6 мая. В корне неправильно представлять их действия как строгое следование законности и своим инструкциям. В столкновении инструкции, бумажки с настоящей жизнью всегда выигрывает жизнь, какая бы точная инструкция ни была. На Болотной омоновцы считали неуместным и несвоевременным предъявлять удостоверения, объяснять характер нарушения при задержании. А в остальном? Действовали ли все без исключения полицейские правомерно? Вопрос риторический.

Мы наблюдали неправомерные избиения мирных демонстрантов очень четко. Без разницы, насколько избирательно ваше восприятие и сколько звезд у вас на погонах, — нельзя избиение ногами и дубинками лежащего на асфальте человека назвать задержанием. Говорить, что подобные действия полиции не имеют отношения к предмету доказывания, — значит, врать и снова расщеплять событие. Это лукавство преследует две цели. Во-первых, создается иллюзия правомерности действий полиции априори — благодаря тому, что критической оценки этих действий не дается. Во-вторых, поведение демонстрантов насильно лишается естественного контекста («бутылочное горлышко», давка, немотивированное насилие полицейских, неясность происходящего) и помещается в искусственный контекст (преступный умысел, беспорядки, погромы и поджоги). Наши деяния трактуются на этом фоне, сконструированном СК.

Брошенный лимон, удержание барьеров, мифические антиправительственные лозунги квалифицируются как участие в массовых беспорядках, хотя в тексте 212 статьи УК РФ подобного нет. К определению наличия или отсутствия преступления у нас подходят творчески. Закидывание ярославского ОМОНа пластиковыми креслами на стадионе называют вандализмом, а действия,

совершенные при разгроме овощебазы в Бирюлеве, более агрессивные, чем мои, хулиганством. При этом не происходит привязки к совокупности происходившего вокруг. Опрокидывание урны на фоне разбитых витрин и перевернутых машин в Бирюлеве не становится паззлом для массовых беспорядков. Почему же в нашем случае эфемерная угроза общественному порядку материализуется в тысячах страниц уголовного дела? Потому что нас преследуют не с целью оценить наши поступки справедливо. На самом деле очень многие могли оказаться на нашем месте, что бы они ни делали 6 мая на Болотной. Мы взяты в заложники властью у общества. Нас судят за болезненное ощущение чиновников от гражданской активности 2011-2012 годов, за фантомы полицейских начальников. Нас сделали персонажами спектакля наказания общества. По обвинению в участии в массовых беспорядках и применении насилия к представителю власти считаю себя невиновным.